The background of the entire page is a photograph of a sunset over a desert landscape. The sky is a vibrant orange and red, with a bright sun low on the horizon. The foreground shows the undulating, rippled sand dunes of a desert, with the sun's light creating a warm, golden glow across the scene.

Man Booker
International
Prize 2019

Небесные тела

Джоха Аль-Харти

Джоха Аль-Харти наделяет жизнью и голосом смутное пространство на границе памяти и забвения.

The New York Times

Джоха Аль-харт Небесные тела

Серия «Литературные хиты: Коллекция»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58334078

Небесные тела: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113540-9

Аннотация

В самолете, летящем из Омана во Франкфурт, торговец Абдулла думает о своих родных, вспоминает ушедшего отца, державшего его в ежовых рукавицах, грустит о жене Мийе, которая никогда его не любила, о дочери, недавно разорвавшей помолвку, думает о Зарифе, черной наложнице-рабыне, заменившей ему мать. Мы скоро узнаем, что Мийя и правда не хотела идти за Абдуллу – когда-то она была влюблена в другого, в мужчину, которого не знала. А еще она искусно управлялась с иголкой, но за годы брака больше полюбила сон – там не приходится лишний раз открывать рот. Своя история и у ее сестер, Холи и Асмаа, у их матери Салимы, у своевольной бедуинки Наджи-Луны, полюбившей чужого мужа. Может, аль-Авафи и невелик, но у каждого здесь своя непростая судьба, свои горести и радости. Этот роман – удивительная панорама

жизни мусульманского Омана, которая завораживает своей тихой глубиной и восточной атмосферой.

Содержание

Мийя	12
Абдулла	20
Лондон	28
Абдулла	36
Асмаа	43
Луна	48
Абдулла	56
Материнство	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джоха Аль-харти

Небесные тела

Jokha Mohammed al-Harhi

CELESTIAL BODIES

Copyright © 2010, Jokha Alharthi All rights reserved

Перевод с английского Виктории Зарытовской

Перевод стихотворений Геннадия Калашникова

Художественное оформление Юлии Девятовой

© 2010, Jokha Alharthi All rights reserved

© Зарытовская В., перевод на русский язык, 2020

© Калашников Г., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Man Booker
International
Prize **2019**

Jokha Mohammed al-Harhi

CELESTIAL BODIES

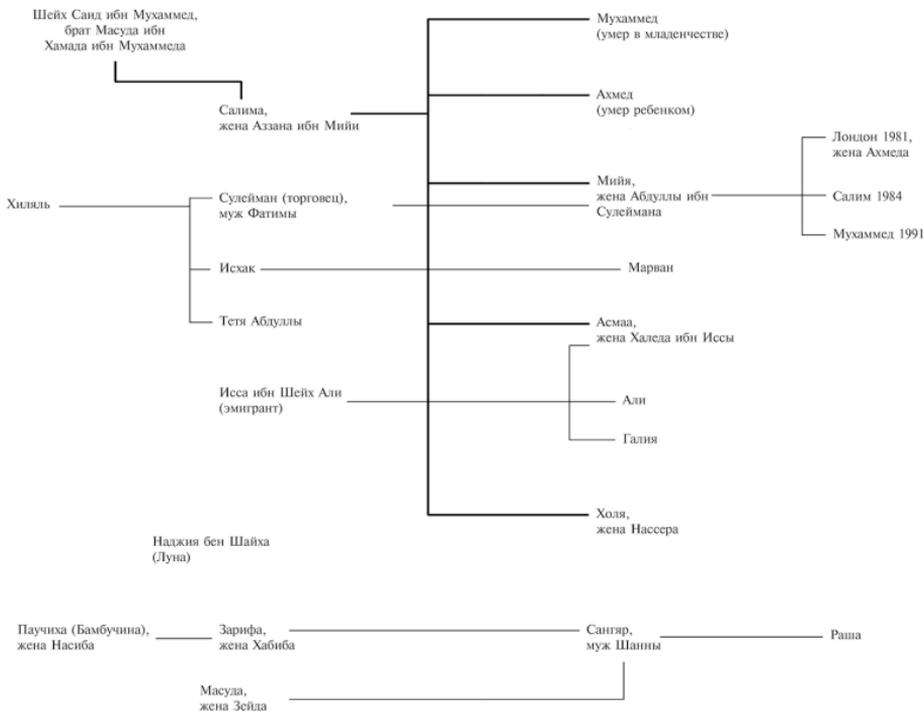
Джоха Аль-Харти

Небесные тела

МОСКВА

Посвящается моей матери

Мийя

Мийя, занятая шитьем за черной швейной машинкой «Баттерфляй», пропадала от любви.

Безмолвная любовь, от которой каждый вечер она вздыхала. Волнами накатывали приступы плача, и она начинала дрожать всем своим худеньким телом. Порой ей казалось, что вот-вот сердце разорвется только от одного желания видеть его. Произнося утреннюю молитву, она поклялась: «Господь Всемогущий!.. Боже!.. Ничего не надо... Только взглянуть на него... Господи! Клянусь! Пусть не обернется даже в мою сторону... Только бы увидеть его». Мать думала, что у тихой бледной Мийи все мысли исключительно об отрезках ткани и нитках и что слышит она только жужжание швейной машинки. На самом деле, хотя Мийя и сидела как приклеенная за машинкой на деревянном стуле весь день и часть вечера и голову поднимала, только чтобы взять ножницы или вытащить катушки из пластиковой коробочки, до ее слуха доходили все звуки, которыми наполнен этот мир, и она могла разглядеть его во всех красках. Мать чувствовала себя виноватой, что дочь плохо ест, и в глубине души надеялась, что талант мастерицы, равно как и ее скромность, будет оценен и ее введут в дом невестой. И вскоре жених нашелся.

Мийя сидела, склонившись над рукоделием, в углу зала, когда к ней с сияющим лицом подошла мать. Положив руку

ей на плечо, она сообщила:

– Мийя! Дочка!.. Сын торговца Сулеймана сватается к тебе.

Мийя вздрогнула. Рука матери лежала на ее плече тяжелым грузом. В горле пересохло, и Мийе даже почудилось, что нитки обвились вокруг шеи, затягиваясь удавкой. Мать улыбнулась:

– Ну-ну... Я-то думала, ты уже взрослая, чтобы смущаться.

На этом все было кончено. Второй раз обсуждать не стали. Мать взялась за подготовку к свадьбе: выбирала наряды, смешивала благовония, заново перетягивала диванные подушки и разносила новость по родственникам. Сестры молчали, а отец полностью доверился жене – это ее девочки, в конце концов, да и свадьба – сугубо женское дело.

Мийя прервала молитву: «Господи!.. Я дала обет, не хочу ничего... Только посмотреть на него... Я обещала, не согрешу и никому не скажу о том, что у меня на душе... Во всем зареклась... Так зачем Ты послал мне сына этого Сулеймана?! В наказание за мою любовь?.. Но я же не призналась ему и даже сестрам не рассказала. Зачем же Ты направил в наш дом сына Сулеймана? Зачем?!»

– Ты нас покинешь? – спросила Холя.

Мийя промолчала.

– Готова? – поинтересовалась Асмаа. – Выучила назубок наставления бедуинки дочке-невесте из «Книги преданий»,

что мы нашли тогда в чулане? – засмеялась она.

– Ничего такого там не было, – ответила Мийя.

Асмаа рассердилась:

– Да, тебе не до книг... Было такое в «Книге преданий», в красном переплете, на второй полке стоит... Бедуинка учит дочь, как подводить глаза сурьмой и как подавать блюда.

– Да, и что я должна смеяться, когда смеется он. И плакать, когда ему плохо. И довольствоваться тем же, – добавила Мийя.

– Да что с тобой, Мийя?! – вмешалась Холя. – Такого бедуинка не говорила... Ты имеешь в виду, что должна будешь делить с ним радости и печали?

– А кто о моих печалях подумает?

Слово «печали» прозвучало как-то непривычно, и настроение у сестер стало подавленным.

Когда Мийя впервые увидела Али бен Халефа, тот только вернулся ни с чем, без диплома, после нескольких лет учебы в Лондоне. Ее как молнией пронзило. Он показался ей настолько высоким, будто облако окутывало его сверху, и таким тонким, что ей хотелось заслонить его от внезапного порыва ветра. Благородные черты. Что-то от святого. Как он был не похож на других людей, которые потели, храпели во сне и бранились по поводу и без. «Господь мой, хочу только взглянуть на него еще раз. Клянусь Тебе!» Она повстречала его в сезон сбора фиников. Он стоял, прислонившись к стволу пальмы, сняв из-за невыносимой жары шапочку. Гла-

за наполнились слезами. Она присела у первой же водяной мельницы и разревелась.

Мийя стремилась соединиться с ним, стать одним целым. Каждой частицей своего естества она тянулась к нему, чтобы слиться навеки. При этом ее дыхание обрывалось, а пульс едва не останавливался. Всем сердцем она была с ним, совершенно выпадая из времени и словно растворяясь физически. Ее трясло, и она будто проваливалась в иное измерение, посылая в его сторону мощный поток своих чувств. Она ждала от него знака. Любого знака, который показал бы, что ее послание до него дошло. Но ответа не было.

«Клянусь, не хочу ничего, кроме как увидеть его. Таким же, с проступившей на лбу испариной и рукой, обнявшей ствол дерева. С плодом финика, тающим во рту. Клянусь, никому не скажу о тех чувствах, что раздирают меня изнутри. Пусть даже не заметит меня! Кто я такая?! Девочка, не знающая ничего, кроме кройки и шитья. Не столь умная, как Асмаа, и не такая красавица, как Холя. Еще на месяц хватит у меня терпения. А потом Ты ведь позволишь мне увидеть его? Я обещаю, не впаду в грех, не помыслю даже ни о чем, что вызовет Твой гнев. Я и не думаю о том, чтобы коснуться его волос или руки. И не мечтаю стереть с его лба капельки пота, когда он встанет в тень под ветвями пальмы». Слезы у Мийи лились не переставая. А когда к ним в дом явился сын торговца Сулеймана, ей пришлось прервать молитву и вернуться к ней только после процедуры заключения брака.

Все это из-за того, что клятва ее была неискренней и обман сквозил в каждом слове! Это все наказание за ее проступок!

Когда через несколько месяцев Мийя забеременела, то, помня рассказ матери о том, как тяжело та разрешалась, надеялась только на легкие роды. «Погналась во дворе за курицей, чтобы зарезать ее дяде. Он без предупреждения зашел к нам на обед. И тут от боли я свалилась на землю и стала перекатываться из стороны в сторону. Твой отец привел повитуху Марею. Едва завидев меня, она заключила: «Пора!» Помогла мне подняться, отвела в комнату, затворила наглухо двери, поставила меня ровно и подняла мне руки, приказав вцепиться как можно крепче в балку, вбитую в стену. Но ноги мне отказывали – подгибались, и она, да будет милостив к ней Аллах, завопила: «Что за срам!.. Дочь шейха Масуда собралась рожать лежа, стоять не в силах!» И я стояла, держась за балку, пока ты, Мийя, не выскользнула мне в шаровары, в которых запуталась, едва не задохнувшись. Но Марея вовремя разжала мне руки и вытащила тебя... Вот так, ей-богу, ни одна живая душа этого не видела... А сейчас вы едете в больницу в Маскяд и выставляетесь напоказ индускам и христианкам. Ей-богу, Мийя, тебя с сестрами я рожала стоя, что кобылица... Да помилует Аллах повитуху Марею... Когда обеими руками я хваталась за балку, она орала на меня: «Ой и плохо тебе будет, если услышу твои стоны... Все так рожают... Позора не оберешься, если пискнешь... Обесчестишь себя, дочь шейха!» Я и слова не проронила, только все

повторяла: «Господи, господи». А сегодня женщины рожают лежа, и все мужчины в больнице слышат их вопли... Пропал стыд... Вот так, ей-богу...»

Когда живот Мийи стал большим и округлился до того, что и спать было неудобно, она попросила мужа:

– Послушай! Я не рожу тут с повитухами, отвези меня в Маскяд...

– Тысячу раз повторял тебе: Маскат! Маскат! А не Маскяд! – не дал он ей договорить.

Но она, будто не слыша, закончила:

– Хочу рожать в «ас-Саада».

– Чтобы моего сына приняли руки христианки?

Мийя замолчала. Но когда срок подошел, он взял ее в дом своего дяди в Вади Удей, поближе к клинике иностранной миссии «ас-Саада», где на свет появилась их крохотная дочка.

Разомкнув веки, Мийя увидела свою мать, держащую на руках внучку, и снова провалилась в сон. Потом очнулась от того, что к груди приложили ребенка. Когда муж пришел посмотреть на новорожденную, Мийя объявила ему, что хочет назвать девочку Лондон. Он рассудил, что, должно быть, жена бредит после родов. Но на следующий день, когда Мийя в сопровождении матери вернулась в дом дяди мужа, она повторила его родне, что девочку зовут Лондон... Жена дяди приготовила для нее наваристый куриный бульон, испекла тонкие лепешки и напоила настоем пажитника с медом, за-

тем помогла вымыть руки, присела на край постели и обратилась к ней:

– Мийя, дочка!

– Да?

Она погладила Мийю по плечу.

– Ты не передумала давать ребенку такое странное имя? Разве кого так зовут? Лондон!.. Это ж название города... Не нашего, не мусульманского... Мы все в толк взять не можем... Ты в себя еще не пришла, потом еще раз обдумай, как назвать девочку. Можно в честь твоей матери – Салима.

Мать Мийи, услышав это, запротестовала:

– Зачем, уважаемая, называть моим именем, я все-таки еще живая как-никак! Вы так смерть на меня накличете! Если ребенок мое имя заберет, то и место мое среди живых займет. Жена дяди опомнилась.

– Боже упаси! Ведь многие называют детей в честь живых родителей, и те живут еще долго в добром здравии... Да убережет тебя, Салима, Аллах от всех напастей... Назовите ее Марьям, Зейнаб, Сафия... Как угодно, только не Лондон.

Мийя подхватила младенца и подняла над собой:

– А что такого в имени Лондон?..

Терпение у жены дяди было на исходе.

– Давай это не будет ее именем... Давай это просто будет прозвище, потому что она беленькая.

Мийя положила дочку на место.

– Нет, она не такая светлая, как все в семействе Сулейма-

на. В ней течет ваша кровь, но звать ее будете Лондон.

Салима решила, что настало время ее дочери с внучкой переехать в родной дом в аль-Авафи, где им было положено провести сорок дней под ее присмотром. Она сказала зятю:

– Послушай, сынок, Абдулла! Жена твоя принесла первой девочку. Дочь – это благословение для матери. Она и помощница по дому, а потом еще братьев своих младших воспитывать будет. Нам нужно для роженицы только сорок живых куриц, бутылъ настоящего горного меда, банку жира изпод деревенской коровы. А как исполнится Лондон неделя, я сбрую ей волосы, ты купишь серебра по их весу, забьешь барашка на мясо и раздашь все это бедным.

Имя внучки она произнесла с такой торжественностью, что Абдулла переменялся в лице, но не стал перечить, кивнул и отвез семью к теще домой.

Абдулла

Самолет рассекал густые облака. Абдулла не сомкнул глаз, несмотря на утомительно длинный перелет с пересадкой во Франкфурте.

Когда для рожениц в Омане открыли клинику «ас-Саада», швейных машинок марки «Баттерфляй» и в помине в стране не было. Как Мийя могла на ней шить? Да и электричество провели тогда еще не во все районы... Принимали же другие больницы в тот год, когда на свет появилась Лондон. По крайней мере, уже были заполнены палаты клиники «ар-Рахма» в Матрахе. И скорее всего, «ан-Нахды» в Руви тоже. Так зачем же Мийя настаивала на том, чтобы рожать при иностранной миссии?.. Не припомню... Не могу связать одно с другим... Мать ее велела зарезать в честь Лондон барана и принести два десятка кур, чтобы Мийя после родов пошла на поправку... Мать ее так нарочито подчеркнула, что двадцать, хотя я собирался принести все тридцать и барана тоже... Жена дяди из Вади Удей стояла посреди двора и укоряла меня: «Лондон?! И ты согласился? Тебе что, все равно? Ты что, ничего не решаешь?» Не знаю, они сломали дом или продали его. После смерти дяди я видел ее лишь пару раз...

Когда Лондон закончила медицинский факультет универ-

ситета Кабуса¹, заявила: «Пап, я хочу BMW!» А Мийя после переезда на новое место спрятала свою «Баттерфляй» в чулан.

Почему она перестала строчить? Когда именно это произошло? С рождением Мухаммеда, в тот самый год, когда я унаследовал бизнес отца и мы стали жить в Маскате. Как Мийя была довольна, щебетала, что боялась на всю жизнь остаться под опекой матери. А когда родился Мухаммед, она забросила шитье... Тогда еще запустили новое шоссе в южном направлении и построили завод... Посреди ночи раздался звонок. Ханан, подруга Лондон, учительница начальных классов в Саляле², сообщила, что банда подростков напала на общежитие для женщин и нескольких изнасиловали. Ханан тоже...

А какой пир закатила тогда Мийя по случаю новоселья! Переезда в столицу! Всех своих подруг пригласила. Такую длинную скатерть расстелила. И устала от края до края блюдами. Салем пошел в школу. А Мухаммед был пока еще как все младенцы... Мийя ликовала. Перед сном она надела рубашку темного оттенка. И когда все легли, я спросил у нее: «Мийя! Ты меня любишь?» Она зажмурилась. Помолчала, а потом прыснула... Смех был настолько громким, что

---

¹ Кабус бен Саид – султан Омана с 1970 года до смерти в январе 2020 года, объединивший имамат Оман и султанат Маскат в единое государство.

² Саляля – второй по населению город Омана, административный центр южной провинции.

от него становилось не по себе. «Заговорил, как в сериалах! Мужчина! Совсем разум потерял от этих египетских мыльных опер? Отключи тарелку эту!» Мухаммед взобрался ко мне на колени и что было силы потянул за бороду. Мийя шлепнула его, и он заревел. Я бороду не сбрасывал даже после того, как отец умер...

А когда для женщин открыли курсы по ликвидации безграмотности, Мийя сразу в шестой класс поступила, так как умела читать, писать и знала немного счет. Я говорил ей: «Мийя, Мухаммед мал еще. Как подрастет, тогда и иди учиться». Она настояла на том, чтобы изучать английский... Это до того, как мы установили тарелку. Получается, когда она нарядилась в темно-синюю рубашку и я спросил ее, любит ли она меня, никакой тарелки у нас не было и не мог я смотреть египетские сериалы...

Отец умирал в больнице «ан-Нахда». Я положил было ладонь ему на руку, но он резким движением сбросил ее. На похоронах я еле стоял на ногах. Мухаммеду исполнился год...

Как громко она хохотала в ответ на мой вопрос о любви! Казалось, стены нового дома должны были затрястись, а дети с испугу разбежаться. Мийя тоже не была поклонницей сериалов. Салем увлекся поначалу мексиканскими страстями, но они быстро ему надоели, и он перешел на видеоприставку. Каждый раз из Дубая он привозил по две-три кассеты. Мать Мийи не унималась: «Она моя дочь, Абдулла! Не забирай ее от меня в Маскяд. Такую портниху еще поискать надо. Язык

у нее не длинный, как у других, и в еде непривередлива».

Я взмолился: «Отец! Разреши мне поступить в университет в Египте или Ираке». Он же, схватив меня за бороду, завопил: «В Омане ты бородатым ходишь. Уехать хочешь, чтобы потом оттуда бритым вернуться, да еще курить-пить научиться?!» Сразу после окончания средней школы я занялся торговлей, а в столицу переехал только после его смерти...

Лондон росла хорошенькой пухленькой девочкой. После полудня Мийя всегда купала ее в проточной воде, и та заливалась смехом. Я покупал ей травяной чай с анисом и детское питание «Хайнс». Ни у кого из детей в округе такого не было. Мийя тогда так гордилась.

Отец дразнил меня мальчишкой, а у меня у самого было уже трое детей на тот момент... Я подошел к нему ближе, когда он собрался снять дишдашу³ и майку. Редкие седые волоски на его груди блеснули в тусклом солнечном свете, проникающем в комнату сквозь разрез тяжелых штор. Я сделал шаг к окну, он погрозил пальцем: «Не надо!», и я оставил шторы в покое. В одном из приступов забывтья, которые участились в последние два года его жизни, он выпалил: «Сынок! Сынок! Хватайте Сангяра! В восточной части двора его привяжите! Накажу того, кто ему воды поднесет! Не смей его в тень сажать!» Я присел перед ним на корточки: «Отец, правительство давно уже освободило рабов. Сангяр в Кувейт уехал».

---

³ Дишдаша – широкая длиннополая мужская рубаша.

Каждое лето Лондон клянчила поездку в Кувейт, но Мийя возражала: «Из огня да в полымя! Куда ехать? В такое же пекло?!»

Дочь Сангяра вышла замуж за оманца и вернулась в Маскат. Она узнала меня в коридоре больницы «ан-Нахда», где устроилась медсестрой. Улыбка исчезла с ее лица при виде моего умирающего отца. Его почерневшие губы задрожали, и он прокричал: «Вяжите Сангяра, чтобы неповадно было луковицы таскать!» Я ничего не ответил. Отец замахнулся своей тростью: «Сынок! Слышь, что говорю! Прочить его надо, отбить охоту воровать!»

Лондон нравилось плескаться. И однажды Мийя уговорила меня оставить ее на два часа в мутной после селя воде. Говорила, иначе может развиться рахит. Несколько дней я заснуть не мог, рассматривал ее маленькие ножки. Ничего необычного не было, она скакала, как маленькая газель.

Почерневшие губы отца дрожали, он хмурил брови и плевался: «Сынок! Ну ты привязал воришку Сангяра к столбу?» Я поймал его руку, чтобы поцеловать, но он оттолкнул меня. «Пап, правительство даровало рабам свободу... Правительство... Отец!» Поняв наконец смысл моих слов, он захрипел: «При чем тут правительство?! Сангяр мой раб. Мой! А не правительства! Нету у них права отпускать его! Я его мать Зарифу купил в свое время за двадцать серебряных монет, когда мешок риса, которым я ее кормил, стоил всю сотню... Целую сотню... Монета к монете... Эх, Зарифа... Ка-

кая прелестница была... Нежная какая... Но она созрела, и Хабиб сорвал ее... И понесла она этого вора... Да при чем здесь правительство? Это мой раб, собственный... Как он уехал, не спросивши... Разве такое возможно, сын?!» Когда его снова начинало потряхивать, а шея и грудь у него покрывались потом, я снимал полотенце со вбитого в дверь гвоздя и стирал им капли. После смерти отца полотенце исчезло. Когда я вошел, спотыкаясь и захлебываясь от плача, в его комнату, меня самого прошиб пот, но полотенца я не нашел. Оно испарилось. Так же, как и швейная машинка «Баттерфляй». Я не заглядывал в чулан, но знал наверняка: Мийя спрятала ее там.

Обожаю, как Мийя готовит самбусы. Когда мы переехали в новый дом, она, помимо прочих блюд, напекла их целый противень. «Мийя, лучше, если служанка будет помогать тебе и на кухне», – проявил заботу я. Но она ничего не ответила, а через несколько месяцев без причины потребовала ее рассчитать... Ночью, почувствовав в комнате аромат благовоний и увидев на Мийе полупрозрачную рубашку, я спросил: «Ты меня любишь, Мийя?» Она прыснула. Хохотала без остановки...

В классе меня дразнили долговязым. Зарифа, собирая меня, так сильно затягивала ворот дишдаши, что я едва не давился. Учитель спросил: «Сколько?» Я копил деньги, которые получал в праздники, изредка тратя свои сбережения на кокосы с холодным молоком внутри. «Полриала», – ответил

я. Учитель засмеялся. Ненавижу смех. Когда люди смеются, они становятся похожими на обезьян – с дергающимися шеями, сотрясающимися животами, с обнаженными желтыми кривыми зубами. «Лет тебе сколько?» – «Десять или двенадцать». Учитель ухмыльнулся: «Ты не знаешь, сколько тебе лет? В любом случае для первого класса ты слишком рослый». А что я мог сделать? Ведь школу построили, когда я уже вырос. Другие ученики, на дишдашах у которых ворот не был так сильно перетянут, как у меня, загалдели: «Учитель Мамдух! Отсадите дылду Абдуллу! Что он уселся впереди за первой партой?!» Мамдух хлопнул меня по руке и шепнул: «Сладости с собой?» Я замотал головой. «Завтра принесешь!» – «Что?! Сладости? Ни тетрадь, ни карандаш... Сладости принести?!» – заголосила Зарифа. Хабиб бросил ее, а Сангяр сбежал в те дни из дома. Все свое время, когда не хлопотала у плиты, она посвящала мне.

А Мийя всегда занята. Сначала шитье, потом дети пошли, затем эти курсы. И подружки отнимали много времени. А потом она стала просто спать...

Зарифа пахла супом, и я клал голову ей на грудь, чтобы заснуть. «Абдулла смог написать свое имя, поэтому переводится в третий класс», – объявил учитель Мамдух. Так с его легкой руки я оказался сразу на третьем году обучения с четырьмя другими товарищами, которые принесли сладости учителю либо смогли вывести мелом на черной доске свое имя.

Небо становилось ясным, облака рассеивались. Абдулла, сын торговца Сулеймана, смог все же немного вздремнуть в кресле на борту самолета. Прежде чем очнуться, он пробурчал сквозь сон: «Прошу тебя! Только не закрывай меня в колодце! Не оставляй меня!»

Лондон

С восходом солнца, когда все вокруг зажглось ослепительно-ярким светом, сердце Салимы затрепетало от радости: она стала бабушкой. Да, это был просто красный живой комочек, с чудным именем и совсем не унаследовавший ее красоты. Но это была ее внучка. И она испытывала за нее гордость. Салима подмела двор, полила его водой из шланга, вытрясла персидский ковер, который хранился до того времени свернутым в чулане. Теперь он был расстелен в холле. Она натерла до блеска фарфоровую посуду, ровными рядами выставленную в серванте, и положила на пол новую циновку для Мийи и ее новорожденной дочки. Неумеху Холю Салима даже не позвала помогать на кухне и сама с душой нажарила тонких лепешек, щедро смазав их жиром и горным медом. Салима проследила, чтобы Мийя съела все до последней крошки, и не отошла от нее, пока не убедилась, что дочь до дна выпила кружку кипяченого молока с пажитником. Она сварила кофе, бросив в него зерна кардамона, нарезала на тарелку фруктов, добавила туда же финики, поставила на золоченый поднос два флакончика благовоний, стаканчик с шафраном, чашу для горящих углей и отнесла все это в зал, куда могли зайти с поздравлениями соседки. Салима приняла ванну со специальной смесью трав, – мыла она не использовала с тех пор, как последний раз побри-

лась, – надела самый лучший свой наряд и наконец уселась рядом с молчавшей дочерью.

Двор наполнился голосами: «Во имя Аллаха... Да будет воля Всевышнего... Да помолится за Пророка Аллах... Да ослепнет глаз завидующего... Такова воля Всевышнего... Первая дочка – главная помощница... Да наградит вас Господь после нее десятью сыновьями... Во имя Аллаха... Да помолится за Пророка Аллах». Салима растолкала Мийю:

– Да поднимись же ты, наконец, перед гостями. Вот Махбуба аш-Шайб пришла.

Через холл, поминая имя Аллаха, прошла Зарифа. Наума попробовала ногой на ощупь ворс персидского ковра, затем откинула с тарелок и подноса полупрозрачное покрывало и пробежала взглядом по угощениям. Помешав серебряной ложечкой шафран в стаканчике и убедившись в густоте содержимого, женщина проследовала в комнату.

Насупившись, Салима пробурчала:

– Здравствуй, Зарифа. Не рано ли ты к нам? Можно было еще неделю потянуть... Прости, ноги болят, не могу встать.

Зарифа опустила свое грузное тело рядом с местом Мийи. Тяжело вздохнув, она сказала:

– Не утруждай себя, дорогуша. Когда ты вставала перед Зарифой? – Она покрутила толстый серебряный перстень на указательном пальце правой руки и откинулась на подушки. – Как самочувствие, Мийя? Ты заслужила, чтобы все прошло хорошо. Вам с малышкой здоровья. Извини, дочка,

раньше не могла навестить. У сына моего Сангяра тоже прибавление, девочка.

– Поздравляем! Всех благ! – откликнулась Салима. – Мы, получается, пропустили такую новость.

Зарифа еще ближе наклонилась к Мийе.

– Вчера эта змея родила Сангяру девчушку. Хлопотали.

Салима нависла над дочерью с другой стороны.

– А сегодня что? Чем с утра занималась? Могла бы улучить минутку для того, чтобы прийти посмотреть на дочку господина. Поздний гость хуже горькой редьки!

Зарифа оторопела и прищурилась.

– Нет уж, дорогуша. Знай, что старый господин ел хлеб, исключительно моими руками испеченный! Гостиа ноги несут, где ему рады, а частый гость – что в горле кость!

– Ей покормить надо! – перебила Салима.

Зарифа улыбнулась и передернула плечами, будто собираясь пуститься в пляс.

– Говорят, от рыбы молоко хорошо идет.

– Нет, для кормящей рыба вредна, – ответствовала Салима.

– Как говорится, что больной желает, то его и на ноги ставит, – заключила Зарифа, про себя подумав: «Да. К чему ей рыба соленая, когда Абдулла принес четыре десятка кур? Даже этой змее Сангяра и той он птиц достал. И мед, и жир ей, а она все нос воротит, не хочет моей стряпни. Народная мудрость гласит: «В сытости и ишак брыкаться станет». Что-

то я не помню, чтобы у нее деньги даже на платья приличные были до того, как мой мальчик взял ее в жены. Эх, Сангяр, Сангяр... Всю жизнь тебе эта гадюка отравила».

– Приподнимись, дочка, покорми ребенка! – с одышкой проговорила Салима.

Мийя села ровно.

– А моя сноха-змеюка кормит лежа, что собака, – захохла Зарифа. – Не сядет даже... А дочку назвала Раша... И он, бедняга, язык-то прикусил. А как заикнуться? Она ж ужалит. Только скажи поперек. Нет чтобы назвать Хабиба, Марьям, Фатима! Сейчас такие имена дают! Марфат, Рабаб, Набаб, Шакияб, Дадаб – в ушах от них звон один. Вот жизнь пошла! А ты, Мийя, как девочку назвала?

Не сводя взгляда с ребенка, которого кормила, Мийя ответила:

– Лондон.

Зарифа онемела, потом, пыхтя, подняла свое тучное тело.

– Пойду-ка я вам обед лучше сготовлю.

Как только Зарифа удалилась на кухню, Салима с облегчением выдохнула. На секунду ей показалось, что цвет стен, выкрашенных голубой масляной краской, сгустился до иссиня-черного. Именно эту комнату она выбрала для своей только что родившей дочери – здесь было тепло, серванты с посудой и дорогими подносами вдоль стен, вместительный сундук, недавно перекрашенный и инкрустированный золотистыми пластинами, подушки, перетянутые шелком и зано-

во туго набитые. Салима не только о собственном теле заботилась, но и была одержима украшательством всего вокруг.

Стоило жене муэдзина постучаться и спросить разрешения войти, как Салима вскочила к ней навстречу. Из кухонного домика в углу двора выглянула Зарифа, промямлив:

– Чудо расчудесное! Исцелилась, запрыгала!

Пока Салима и жена муэдзина обменивались горячими рукопожатиями, она успела прокричать своим громогласным голосом:

– Желанному гостю – горячий привет, незваному – дома хозяина нет! – Ударив себя кулаками по бедрам, Зарифа скрылась на кухне.

Салима и ее гостья, приехавшая из Самаиль много лет назад, которую уже никто не называл иначе как женой муэдзина, пустились в бесконечные разговоры, нанизывая одну тему на другую. Мийя безучастно сидела рядом, разглядывая ребенка. К ним присоединилась Асмаа.

– Послушай, мама! Ты должна приготовить Мийе эту смесь из книги «Рецепты на каждый случай». Для этого потребуется...

– Не нуждаюсь я в этих книжках и докторях, которые будут меня еще учить, что собственной дочери готовить! – прервала ее Салима. – Пятерых на ноги поставила без чужих советов! Ты глаза себе чтением сломаешь. Кофе лучше выпей.

Тогда Асмаа обратилась к Мийе:

– Давай, Мийя! Поешь! Современная медицина доказала

пользу фиников для здоровья рожениц. И в Коране упоминается, как Дева Мария потрясла пальму, и с нее упал зрелый плод.

Она старалась говорить грамматически правильно, декларируя по памяти священные тексты, чтобы произвести впечатление на жену муэдзина. Но мать потянула ее за рукав:

– Оставь сестру! Она будет есть одна!

– Почему это?

– Потому что в ней скверна, – прошептала жена муэдзина. – С ней нельзя вместе садиться!

Асмаа возмущенно отвернулась. Она была уверена, что есть хадис о том, что нет запрета делить с женщиной пищу. Но в присутствии жены муэдзина она и слова не могла промолвить о религии.

Вошла Зарифа, чтобы разлить всем кофе. Она единственная из рабынь могла есть с хозяевами с одного подноса. Эту привилегию она даровала себе сама, и никто не возражал. Зарифа отправила в рот большой кусок сладостей и смачно облизала жирные пальцы.

– Ну-ну, Зарифа, давай аккуратней! – проворчала жена муэдзина. – Не забывай о диабете, ты же все-таки... не худышка.

– Диабет?! Думаешь, испугала меня? – закудахтала Зарифа. – Нас всех смерть ждет. Почто мучить себя? Я, хвала Аллаху, здорова так, что иных зависть берет. И докторов этих не слушаю. Диабет не диабет... Народная мудрость гласит:

семи смертям не бывать, одной не миновать. – Она налила себе еще кофе и медленно выпила его, постукивая пальцами по стенке чашечки.

Жена муэдзина скривилась в улыбке.

– Да простит Аллах. Семи смертям не бывать, одной не миновать, говоришь? Да простит Аллах нашу беспечность. Тебе ведь уже пятьдесят стукнуло, дорогая?

Зарифа пожала плечами.

– Пятьдесят, и что? Что такое пятьдесят? Вторая молодость! У меня у сына только ребеночек родился. Некоторые бабушками становятся уже на четвертом десятке.

Салима, проглотив дольку апельсина, притворилась, что пропустила мимо ушей слова, которые предназначались ей. Она не стеснялась того, что стала бабушкой сразу после сорока, и всем своим видом показывала, что ей нет дела до мнения Зарифы. Жена муэдзина продолжала:

– Верно, Зарифа, ты не старая. Но тогда получается, ты поспешила женить сына, он еще слишком молод.

Зарифа привстала, отодвинув сладости в сторону, и посмотрела жене муэдзина прямо в глаза.

– Я ж ее пожалела. Я ж не знала, что она такая змея. Отец у нее умер, мать свихнулась. Как не пожалеть сироту? Она нам детей народит. А что надо было делать? Женить Сангяра или ждать, когда его мужики оприходуют?

Салима бросила в ее сторону тяжелый взгляд, а жена муэдзина вздохнула.

– Да простит тебя Аллах! Такое сказать!

Послышались громкие женские голоса. Гости спрашивали разрешения войти. Салима сделала Асмаа знак. Та нехотя поднялась: ей, как незамужней, не полагается слушать их разговоры. Досадней всего, что об этой традиции она действительно читала в книге «Жизненный опыт». «Ах, книги!» – подумала она и вернулась к своему любимому занятию.

Абдулла

Я часто летаю самолетом, но по-прежнему, как новичок, сажусь в кресло у иллюминатора, из которого наблюдаю, как города под нами сжимаются, становятся крохотными, пока не исчезнут из виду совсем. «Как ты много ездешь, пап!» – сказала мне Лондон. Я хотел рассказать ей тогда, что только в чужих дальних краях мы познаем себя настоящих, так же как в любви, но промолчал. О других странах она ничего не знает, но, думаю, любовь ей знакома.

Лондон так неистово сопротивлялась воле матери, что я, видя все это и переживая за нее, восстал, сломал занесенный над нею кнут и разрешил дочери выйти замуж по ее собственному выбору и желанию. Она бросила матери: «Откуда тебе знать о любви? Ты, как глаза распахнула, никого, кроме отца, и не видела. Сколько тебе было, когда тебя за него выдали?» Думала, меня нет дома, но я все слышал. Мийя рассмееялась. Рассмееялась с каким-то остервенением, но ничего не ответила. Не призналась, что любила меня.

Отец тогда лежал при смерти, а задыхался я, как будто по трубкам, воткнутым в него, утекала и моя жизнь. Она что-то проямлила, я не понял. Проплакал у постели отца до зари. Мухаммеду был годик, и, сидя у умирающего отца, я беспрестанно думал о нем. Узнав о смерти деда, Лондон вскрикнула. Мийя пробурчала, что шум только тревожит душу по-

койного. А за несколько лет до этого она спросила меня: «Не слишком ли ты выслуживаешься перед своим отцом?» Я накинулся на нее.

Учитель Мамдух заявил нам: «Я воспитаю вас патриотами, в духе арабского братства». «Хочу BMW. Достоинство врача и внучки бизнесмена Сулеймана», – продолжила Лондон. А какое отношение она имеет к заслугам деда? «Хочу новый плейстейшен», – услышал я от Салема. «Нужно женить мальчишку, пока ничего плохого не стряслось, а то как пойдет за ним дурная слава», – отметила Зарифа. «Поезжай в Маскат, я за всем в доме прослежу, не волнуйся!» – успокаивала меня тетка. «Верная сделка!» – уверял мой партнер Абу Салех.

«Что же вы с самого детства не занимались английским?» – удивился преподаватель Билл. – Теперь вы осознали, что это самый важный язык в мире?» Самый важный язык! В мире! О, мир! Какой он огромный! И какой тесный в то же время!

«Надо избавляться от изживших себя приемов ведения дел! – настаивал Абу Салех. – Сегодня самое главное – реклама! Только она будоражит умы клиентов и растрясает их карманы!» Карманы. Карманы... «Отец! Мне нужен риал!» – попросил я. Он ухмыльнулся: «Целый риал! Для такого шалопа?! В мое время мы мечтали о том, чтобы на монетку просто взглянуть!»

Я вырезал ее имя на стволе пальмы. Выгравировал его раскаленным железом на воротах... Мийя... Мийя...

Мийя... Самое красивое имя на свете! В этом тесном и в этом огромном мире!

Нет, спасибо. Не надо сока. Чай, пожалуйста! Да, ти. Мор ти плииз! В голове как гудит... Биржа обвалилась, Мийя визжала: «Значит, не видать нам дома в три этажа?!» А что можно сделать? Биржа рухнула. Все пропало. Мийя пала духом.

Хабиб сбежал. Зарифа сказала, что он не иначе как сбрендил, поэтому и пустился в бега. Он стал бредить, как мой отец, только старость задышала ему в затылок. Отец угрожал ей, обещал чего-то, а потом наложил на эту тему запрет. Меня поймала Зарифа. В тот день, когда отец решил ее выдать замуж за Хабиба. Она засунула мне в рот стручок острого перца и вывернула ухо: «Только проболтайся кому, отец тебя свяжет и подвесит вниз головой на пальму». А мне и некому было рассказывать. Перец так жег язык, что пришлось выпить ведро воды. А вечером я не нашел ее груди, чтобы положить на нее голову.

Партнер настаивал: «Подпишем контракт!» А двоюродный брат советовал: «Вложи деньги в недвижимость! Это самое безопасное в нашей стране!» Наша страна! Наша страна! Все в ней меняется с дикой скоростью. «Я не люблю аль-Хувейр, пап! Здесь и прогуляться негде!» – ныла Лондон. «Не преувеличивай!» – ответил я. «Да здесь только машины паркуются. Людям и ходить негде». Затем она забыла об этом разговоре и увлеклась поездками с подружками на машинах в торговые центры. «А я люблю столицу!» – сказал Са-

лем. – Конечно, не Дубай, но есть все, что надо». Я не спросил его, а что именно надо-то. Мухаммед же практически не говорил. Им обоим я не радовался так сильно, как Лондон. Когда она родилась, казалось, что мне и мира мало. Так я был счастлив! Красивая! На Мийю похожа.

Зарифа зареклась входить в дом Салимы, чтобы разливать кофе гостям. «Но это же моя дочка, моя и моей жены Мийи. Салима тут ни при чем!» Она же причитала, что не выносит Салиму, что ноги ее в их доме не будет. А когда родился Мухаммед, Мийя отказалась идти в дом матери. Сказала, что останется здесь, что здесь у нее есть прислуга.

На выпускном мне вручили аттестат. Вечером, раздуваясь от важности, я показал его отцу. Тот засмеялся: «На людях тоже так кряхтел, как собака? Эта картонка тебе не пригодится. А пригодится вот что». И он хлопнул кулаком по карману своей дишдаши. А потом залился хохотом. Я ни у кого не выяснял, от чего она умерла. Когда вырос, попробовал расспросить тетку по линии отца. «Ее убило растение, – ответила она. – Базилик». На столах в конференц-залах всегда цветы и травы, но не базилик. «Как так, тетя? Как базилик может убить?» Она отмахнулась от меня. Зарифа недолюбливала тетку. После кончины отца я переехал в Маскат, и она тут же отбыла вслед за Сангяром в Кувейт. «Зарифа? Как базилик мог погубить мою мать?» – «Почем мне знать?» – «Нет, Зарифа, ты знаешь все». Она улыбнулась, прижала меня к себе, и я втянул носом запах ее пота, смешанный с аро-

матом супа. «Зарифа всего на свете не ведает. Мое дело готовка. Ем, танцую и...» Она показала рукой неприличный жест. Как только у меня на лице пробилась щетина, я стал чаще замечать этот жест и у мужчин, и у женщин. Я выкрал у отца винтовку, и мы с Сангяром и Мархуном отправились охотиться на сорок. «Ты не мужчина, если не достанешь винтовку!» – отрезал Сангяр. «Мы тебя вместо дичи на вертеле поджарим», – добавил Мархун. В пустыне они, скрутив меня, принуждали повторить: «Я, Абдулла, раб Сангяра и Мархуна», но я выдержал пытку. «Все расскажу Зарифе», – пригрозил я им, и они меня оставили в покое, однако жареными сороками лакомились без меня. Тогда я поклялся, что, как стану взрослым, съем их не меньше сотни. Однако позже охота на них попала под запрет.

Мийя не высаживала базилик. Розы, несколько сортов жасмина, лилии, всякую траву, деревья айвы и лимона. Участок был большой, так что она могла выбрать хороший кусок земли под садоводство, которым увлеклась, забросив шитье. Однажды я спросил ее: «Мийя! А почему ты перестала шить?» – «Какой смысл? Кругом столько портных. Да и надоело мне, честно говоря». Учеба ей тоже опостылела. Английским овладеть она уже и не надеялась. Она ушла из вечерней школы. Когда же я предложил ей отдать Мухаммеда в лицей «аль-Амаль» для детей с особыми потребностями, она расплакалась: «Мой сын как все. Он пойдет в ту же обычную школу, что и его братья, что и дети моей сестры».

Но Мухаммед был не таким, как все. Она просто не хотела этого видеть.

Мы не сажали базилик. Однажды тихим ясным вечером я спросил у нее, что она думает о том, чтобы рассадить базилик, и услышал в ответ, что на его запах приползают змеи. В ночь после охоты на сорок Зарифа перевязывала мне раны, посыпая их солью и куркумой. Я же вопрошал в бреду: «Как она умерла, Зарифа? Как погибла моя мать?» И Зарифа, все это время хранившая молчание, сказала: «Сынок! Абдулла! Недаром люди говорят: меньше знаешь – крепче спишь».

Когда у Холи появился собственный автомобиль, Мийя тоже захотела научиться водить. Но она провалила экзамен, обвинив инспекторов, очарованных, по ее словам, Холей, в предвзятости к ней самой. Я нанял ей водителя, она выгнала его через считанные месяцы. «Мийя!» – «Что?! Что?! Что?!» Когда Холя развелась и открыла салон красоты в одном из престижных районов Маската, Мийя попыталась сдать на права еще раз.

Я не прислушался к советам двоюродного брата и не вложил деньги в недвижимость. Купил акции, и биржа рухнула. Это была большая игра, но газеты молчали. Замолчала пресса и изнасилование Ханан и других учительниц на юге. Народ безмолвствовал. Кто платил за это ужасающее молчание? Лондон чуть с ума не сошла, когда навестила подругу, помещенную в неврологическую клинику.

А я ходил тогда в больницу к отцу. Я смачивал его пере-

сохшие губы, он прикрывал глаза, я плакал. Но на поминках при всех я не проронил ни слезы. С утра до захода солнца три дня подряд я оставался в белой наглаженной дишдаше, при кинжале, на голове мусар⁴, я встречал соболезнующих, отвечая каждому: «Все в руках Всевышнего». Они ели мясо с рисом и расходились. А вечером я плотно закрывал дверь своей комнаты. Меня что-то жгло изнутри. Сильно жгло. В больнице, когда он впал в беспамятство, я стянул с головы мусар и показал ему шрам. Я обнажил плечо, где остались порезы и следы от тугих веревок из джута. «Ты помнишь тот день, с сороками?» – прошептал я. Он не шелохнулся. Руки, которые связывали меня тогда и опускали в колодец, пока я с глухим стуком ударялся о его каменные стены то головой, то торсом, не дрогнули. «Сангяр младше меня, – прошептал я ему в ухо. – Он задирает меня, чтобы я выкрал винтовку. Я б вернул ее на место, но Мархун выдал меня». Отец не подавал знака, и я стал говорить громче: «Сангяр сбежал. Мархуна ты не тронул. Я же чуть не умер от страха, пока ты опускал меня в темноту колодца, связанного по рукам и ногам, с замиранием сердца ожидающего, что веревки порвутся». Он и пальцем не пошевелил. Его руки лежали, обмотанные проводами. Я схватил его ладонь и провел ею себе по лбу, с силой надавил ею на шрам и разразился рыданиями.

---

⁴ Мусар – традиционный мужской головной убор, повязываемый наподобие чалмы.

Асмаа

Асмаа с отдельного входа зашла в комнату девочек, куда, как только Мийя с сестрами подросли, их перевели, словно отрезав от дома. По настоянию матери, чтобы заглянувшие в гости родственники мужского пола случайно не встретились с девочками в холле, отец сделал со двора для них пристройку. Холя, как обычно, сидела у трюмо и вертела в руке что-то интересное. Асмаа присела рядом на корточки.

– Что это, Холя?

– Губная помада, – прошептала Холя в ответ.

Ахнув, Асмаа вырвала вещь из ее рук, чтобы поближе рассмотреть. Ярко-красный карандаш, закрывающийся золотой пулей-крышечкой в форме птички.

– Откуда у тебя это?

– Мийю попросила купить в Маскате, еще до того, как ей родить.

Асмаа глаз не могла отвести от золотой птицы.

– Но мама...

– Она не узнает, если только ты... – Холя посмотрела на нее в упор.

Асмаа замотала головой – она не проговорится – и направилась к полке, где были расставлены книги, спасенные от влаги и плесени чулана. Она стала перебирать их и, наткнувшись на томик в голубой обложке, прочитала вслух заглавие:

«Руководство имама аль-Рабии бен Хабиба». Она открыла потрепанную книжку – в глаза ей бросилась извилистая надпись, сделанная от руки: «Масуду бен Хамеду бен Мухаммеду в дар от верного друга и брата Али бен Салема бен Мухаммеда, который руку приложил». Асмаа был противен парадный шрифт. Память возвратила ее на несколько лет назад в день открытия школы в аль-Авафи. Девочек старше десяти лет туда не пустили, отправив на курсы ликвидации безграмотности, которые были запущены чуть позже. Асмаа узнала, что тех, кто смог правильно написать свое имя, перевели сразу на третий год обучения, невзирая на возраст. И теперь она не знала, как ей быть, ведь первый день она пропустила. Она приступила к занятиям, но до конца первого семестра курсы распустили, так как слушательниц набралось очень мало. Учительница вывела на черной доске мелом красивыми буквами: «Курсы закрываются из-за недобора». Асмаа вышла из здания, ненавидя с того дня этот почерк.

– Вместо того чтобы подкрашивать глаза, ты их испортишь своим чтением! – заметила Холя.

– Замолчи, невежда! – грубо ответила ей Асмаа. – Ты после школы и книжки не открыла за все два года. Коран и тот в Рамадан читаешь из-под палки, мать заставляет.

Холя равнодушно пожала плечами и отвернулась опять к зеркалу. Асмаа перелистнула страницу, заулыбалась и процитировала вслух:

– «Абу Хурайра⁵, да будет доволен им Аллах, сказал: «Когда Пророк, да помолится за него Аллах и приветствует его, был в мечети, обратился к Айше: «Поддай мне одежду!» – «Но я нечистая», – ответила она. «Это не в твоей власти», – сказал ей Пророк». Я так и думала, так и думала! – воскликнула Асмаа. – А жена муэдзина... – И она принялась твердить хадис, чтобы заучить и пересказать его матери и Мийе.

Асмаа представила себе, как вытянется лицо жены муэдзина, когда та увидит их в следующий раз всех вместе за трапезой. Хихикнув, она вернула книгу на место, где стояли еще «Рецепты на каждый случай» в простом бумажном переплете, «Кладезь афоризмов» под красным бархатом, изданный в Каире в «аль-Махмудия», собрание сказаний об Антаре⁶ в кожаной обложке с замечаниями на полях чьей-то рукой, желтая затертая книга рассказов о пророках, напечатанная в Калькутте, и другой том желтого цвета, на первой странице которого значилось: «Вторая часть изречений и сентенций достопочтенного имама аль-Вахида Шихаб ад-Дина Ахмеда, известного как Ибн Абд Раббу аль-Андалуси аль-Малики, да ниспошлет ему Аллах своей милости и откроет ему врата рая. Комментарии Абу Исхака Ибрахима бен Али, известного как аль-Хасри аль-Кайравани аль-Малики, да будет мило-

---

⁵ Абу Хурайра – один из наиболее известных сподвижников пророка Мухаммеда.

⁶ Антар – арабский поэт и герой VI века, из приключений которого появился рыцарский роман.

стив к нему Всевышний». Иногда отец просил ее почитать ему отрывки из этой книги, и она ломала глаза из-за мелких букв, а также вынужденно проглатывала некоторые выражения, которые стыдно было произнести перед родителем.

На той же полке стояла небольшая книжечка с выдранными страницами – сказка о наложнице. По прошествии лет Асмаа будет помнить лишь две подробности об этой книге: торчащие обрывки бумаги и что горло наложницы сравнивали с горлышком серебряного кувшина. Были еще индийская «Калила и Димна»⁷, грамматический анализ Абдуллы бен аль-Мукаффаа от 1927 года бейрутского издательства, размером с ладонь и не толще школьной тетради. Были также толстые журналы министерства культурного наследия, которые она не могла осилить до конца. Асмаа быстрым взглядом обвела брошюры на английском, приобретенные Мией в Маскате еще до замужества. Читать их никто не мог, но Мия с упорством их пересматривала.

Прежде чем отойти от полки с книгами, Асмаа по привычке переложила с места на место несколько оставшихся от неизвестной книги листов, которые она не выбросила, скрепила и хранила отдельно от испорченных экземпляров. Из них, до конца не понимая смысла, она помнила: «Мудрецы утверждают, что Аллах сотворил души округлыми, в форме шара, затем разорвал их надвое и каждую из половинок вло-

---

⁷ «Калила и Димна» – сборник басен и притч, переложение известной индийской книги «Панчатантра».

жил в тело. И когда тела некогда оторванных друг от друга частей единой души встречаются, между ними вспыхивает страсть, характер которой зависит от природы разбитой души».

Луна

Аззан, муж Салимы, возвращавшийся ночью из пустыни, испытывал сильнейший душевный подъем. Ощувив под ногами мягкость песка, он сбросил сандалии, чтобы в полной мере насладиться его прохладой. На небе светила полная луна, и он следовал привычным теням от барханов. Огни аль-Авафи были заметны еще издали, но он глядел на них так, словно это был незнакомый ему мир. Часть ночи Аззан провел в беседах с бедуинами. Они вспоминали старинные песни, много смеялись, одни играли на рабабе⁸, другие на свирелях. Аззан, отказавшись от полноприводной машины друзей, решил добраться до аль-Авафи пешком. В действительности от жилищ бедуинов, скрытых за горбатыми барханами, до его дома было рукой подать. Но эти два пространства никоим образом не пересекались. В аль-Авафи люди издавна жили жизнью обычных земледельцев. Бедуины же, хотя и перестали кочевать и возвели себе бетонные дома вместо палаток из верблюжьей шерсти, в глубине души презирали оседлую жизнь. Они продолжали заниматься выпасом скота, гордо носили свои традиционные одеяния и дорожили свободой, хорошо зная, где проходит та граница, которая отделяет их от пресловутой «цивилизации».

---

⁸ Рабаб – струнный музыкальный инструмент.

С недавних пор зажатость Аззана в их обществе улетучилась, и он перестал терзаться угрызениями совести за то, что, проявляя беспечность, с головой окунался в мирские увеселения. Слова песен при воспоминании о покойных сыновьях застревали у него в горле, но он при этом будто избавлялся от брэнности мира, убегая от его неискренности и фальши. Он не чувствовал, как раньше, за собой вины за проявления радости и удовольствия уже не принимал за мираж, на обман которого он якобы покусался. Вытягивая за певцами слова, он пытался ногами отбить тот же ритм, что гремел в голове. Перед глазами вставало лицо внучки. На середине пятого десятка он впервые стал дедом. В этот момент ему очень хотелось вернуться домой, распахнуть дверь в среднюю комнату и полюбоваться личиком спящей малышки.

Он расплывался в улыбке, бубня себе что-то под нос, как вдруг между барханов мелькнула тень человека. «Во имя Аллаха», – прошептал Аззан и попятился. Однако тень уверенно свернула в его сторону.

– Кто здесь? – вскричал Аззан.

– Я! – ответил ему женский голос.

Через мгновение высокая женская фигура в черном одеянии стояла перед ним. Женщина сдернула плотное покрывало с лица.

Успокоившись, он спросил:

– Кто такая? Чего тебе надо?

Женщина впиалась в него взглядом. Его смутили ее пра-

вильные черты лица и блеск распахнутых глаз. Оттого, что она встала настолько от него близко, что можно было вдохнуть запах ее тела, Аззан пришел в замешательство. А услышав ее слова, он и вовсе потерял над собой контроль.

– Я Наджия. Меня называют еще Луной. Я пришла за тобой.

Эти слова и много лет спустя будут звенеть у него в голове: «Я Наджия. Меня называют еще Луной. Я пришла за тобой». Аззан за свою жизнь познал немного женщин, а уж столь дерзкой, прозванной Луной, он точно не встречал. Она заслуживала куда более возвышенного имени. Такой красоты он не встречал и вряд ли когда-либо еще увидит. Она выросла перед ним из ниоткуда, в лунном свете, словно наваждение, посланное Всевышним для испытания идущих по праведному пути, и опустилась перед ним на колени. Аззан нацепил сандалии и побежал что было мочи в сторону аль-Авафи, отбросив все мысли.

Наджия, вместо того чтобы сразу вернуться домой, зашла сначала за подругой. Остановившись у деревянных ворот, она прокричала:

– Хазина!.. Хазина!

Та вышла, прикрывая лицо черной накидкой:

– Все в порядке, Наджия?

– Давай переночуешь у меня!

И Хазина засемила следом. При приближении к дому Наджия обратилась к ней:

– Брат ночует в пустыне, мы с тобой устроимся в доме.

Когда они присели друг напротив друга, Хазина спросила:

– Ну как, получилось?

– Сбежал, – спокойно ответила Наджия.

Хазина от хохота распласталась на полу.

– Господь Всемогущий! Да разве мужик сбежал бы?! От тебя, Луна?! Ха-ха-ха.

Но Наджие было не до шуток. Выждав, пока подруга придет в себя, она сказала:

– Я его хочу. И я его заполучу.

Хазина смахнула проступившую слезу краем одежды и подкинула веток в печку.

– Луна! Да видно, этот мужчина ни на что не годный.

Наджия устроилась поудобнее.

– Сам ко мне придет! Еще не было такого, чтобы я не получила того, кого захотела.

Хазина покачала головой.

– Сестрица, да ведь он женат на дочери шейха Масуда, старейшины всего их рода... Думаешь, он бросит ее, чтобы жениться на тебе?!

Наджия рассмеялась звонким смехом, который был только у нее. Хазина, увидев ее белые как жемчуг зубы, подумала: «Как подходит ей это прозвище... Люди скоро позабудут, как ее по-настоящему зовут». Наджия закинула руки за голову.

– А кто тебе сказал, что я замуж за него собралась? Я ни-

кому не позволю собой командовать. Я не для того создана, чтобы повиноваться мужчине да еще ему прислуживать. Чтоб он мою свободу ограничивал? С братом не даст общаться, с подружками не отпустит. То туда запретит ходить, то сюда, то скажет: вот это больше не носи. То к себе поманит, то оттолкнет. Нет, нет, нет, Хазина! Аззан будет моим, но я-то принадлежать ему не буду. Будет приходиться, когда я захочу, и прогоню, когда пожелаю... С тех пор как я увидела его в толпе, сразу поняла, что это мужчина для Луны. Что, сбежал?! Да, сбежал, пятки сверкали, будто с джинном на дороге столкнулся. Думаешь, он от меня откажется? Да не родился еще такой мужчина, Хазина, который бы Луну отверг. На коленях обратно приползет.

Подруги еще долго молча наблюдали за угасающими языками пламени, пока не уснули.

Наджия выросла в этом доме, напоминающем просторный бедуинский шатер, – две комнаты с выходом в зал, из него можно попасть во двор, стены не доходят до потолка. Отец транжирил деньги направо и налево. Мать свою она не помнила и никогда не задавала о ней вопросов. В этом мире она любила только младшего брата. Все шрамы на теле она получила еще в детстве, когда, не думая, кидалась на мальчишек, чтобы его защитить. После уроков в младшей школе она спешила домой узнать, не обидел ли кто его. Заправляла желтый школьный фартук в штаны и тут же лезла в драку. Только когда она перешла в средние классы, задиры перестали при-

ставать к брату и обзывать идиотом. В этом возрасте она поняла, что живет не для того, чтобы с зари до заката слушать пространные речи по грамматике, математике и другим наукам в сыром классе, набитом еще полусотней девиц. Она терпеть не могла белую пластиковую сменную обувь, которая за неделю носки чернела и приходила в негодность. Не по душе ей была и серая, лишенная украшений форма, и вечно болтающиеся плечики фартука. Говор учительниц – египтянок и суданок приводил ее в замешательство. Усидеть на одном месте она не могла. И в конце концов она бросила школу, перестав по утрам втискиваться в пикап с десятком таких же маленьких бедуинок и трястись в нем до школы битый час.

В то время как отец где-то выпивал, пропадал на пикниках или участвовал в культовых обрядах зара⁹, она брала управление делами на себя. Пасла верблюдов и мелкий скот, удвоив поголовье за несколько лет, подкармливала верблюдиц отборными финиками, жиром и медом, улучшая породу, вывозила их на заезды, пока однажды одну из них не купил шейх из Абу-Даби за двадцать тысяч риалов. Она выправила верблюдице паспорт, в котором записала ее Газелькой, и погрузила в транспорт, идущий на Абу-Даби. Заполучив деньги, она сменила шатер на дом из армированного цемента, накупила ковров и сундуков на рынке в Матрахе для обстановки, откровенно высмеивая тех соседей, которые настроили хором в два этажа с пятью ванными, но так и сидели целый

---

⁹ Зар – языческий религиозный культ в странах Восточной Африки.

день по привычке в тени пустынной акации. Она не сдалась перед болезнью своего брата-дауна и учила его заботиться о животных. А когда отец умер, она с облегчением выдохнула: теперь ничто не могло помешать ей распоряжаться своей свободой и деньгами, как она хочет. Когда женственность ее раскрылась в полной мере, только ленивый не восхищался ее красотой, сравнивая Наджию с луной. Она же только издевалась над теми, кто приходил к ней свататься, продолжая ухаживать за братом и сохраняя свои деньги при себе. Она решила, что если ей и встретится суженый, то она его узнает с первого взгляда и тотчас овладеет его сердцем.

Однако брата поразил рахит. Она заперла дом и несколько месяцев скиталась с ним по муниципальным больницам, оставив животных под присмотром подруг. Ее прогоняли из мужского отделения, но она стелила на полу плед и дремала тут же, в коридоре. И прямо, и намеками врачи говорили ей, что он ущербен с рождения, что и с ногами теперь плохо и не стоит надеяться на выздоровление. Некоторые настраивали ее на то, что теперь остается только дожидаться его конца, но она, затыкая уши, отходила от таких в сторону. Разочаровавшись в больничном лечении, она забрала его домой, уединилась с ним и долго пичкала его тем, что советовали знахари, а также поила сбором трав, который составила сама. С упорством втирала она в его ослабевшие ноги гвоздичный порошок с горячим оливковым маслом и в попытке поставить брата на ноги клала его тело на свою сильную спину и

таскала волоком по залу из угла в угол. Она настаивала коло-
цинт с вонючими листьями и поила его этой горечью каждое
утро. Утирая брату слюни рукавом, Наджия отводила беспо-
мощный взгляд, чтобы не смотреть в его узкие, вытянутой
формы, как у монголов, глаза. Она отворачивалась, если кто-
то осуждал ее жалкие попытки вылечить брата, которому она
посвятила свою жизнь. И в один прекрасный день Наджия
широко распахнула двери дома и отдала бедным двух вер-
блюдиц: брат ее шел своими ногами.

Абдулла

Что ты чувствуешь, стюардесса, вызывающе покрашенная, с вежливой улыбкой, застывшей на лице, живя между небом и землей? Я сам оказался подвешенным меж ними, стоило тебе возникнуть передо мной.

Я встретил ее на следующий после праздника жертвоприношения день. Отец собирался с поздравлениями к Салиме, как того требовал обычай родства. Я не пошел с ним, но понял, что он хотел от меня: чтобы я обратил внимание на Холю, младшую из сестер. Наутро он спохватился: «Сходи-ка к Аззану, я вчера у них свою трость позабыл, отставил ее в сторону, как стали руки пожимать». Я смекнул, что отец не мог просто так забыть трость, которую везде таскал с собой, будто с ней родился. Да и зачем посылать меня за вещью, когда есть прислуга? Но пререкаться я, как всегда, не стал. Отыскав дом Аззана, я постучался и спросил разрешения войти. Пересек широкий двор и очутился в зале. Мийя, похоже, даже не заметила моего появления. Она сидела в дальнем углу на деревянном стуле и вдевала нитку в иголку швейной машинки, склонившись над ней всем телом. Такая бледненькая, тоненькая и загадочная! Мне была видна лишь часть ее лица: чуть вздернутый нос, выпирающие скулы. Мúка, отразившаяся на нем, отозвалась уколом у меня внутри. Она то поднимала голову, то опускала, пытаюсь про-

деть нитку, и почти уже легла на машинку. При дневном свете она казалась куда более изможденной, а на страдания, написанные на ее лице, было невыносимо смотреть. «Как отыщется трость, прикажу вам отнести», – сказала ее мать, вглядываясь в меня, прячущего глаза. Я тщетно соображал, что нужно отвечать в таком случае, но не находил нужных слов. Салима казалась мне властной женщиной. Ее называли «русалкой водяной мельницы». Светлокожая, склонная к полноте, круглое лицо, черты резкие, крупный нос и цепляющий взгляд. Мийя была на нее совсем не похожа. Я в последний раз обернулся взглянуть на нее и не поверил тому горю, которое от нее исходило. От фигуры расплывалось необыкновенное свечение, до этих пульсирующих кругов света можно было дотронуться – только протяни руку. Однако мать ее ясно давала понять, что я задерживаюсь, и мне пришлось спешно уйти.

Я покинул дом Азана, не сознавая до конца, что сейчас там со мной произошло, и не догадываясь, какое будущее нас обоих ждет. С недавних пор я стал слышать странные намеки в свой адрес, что я якобы сторонюсь девушек. Но это было не так! Я никого нарочно не избегал. Просто не получал от них ни отзыва, ни участия. Ни подшучивания служанок, ни их ладони, глядящие меня, не дарили любви, да и я не пылал к ним страстью. Шанна вцепилась в меня за деревом лимона, что рос у нас на участке. Мне и четырнадцати не исполнилось. Без предисловий она прильнула ко мне.

Меня затошнило, и я оттолкнул ее. Она упала, перепачкавшись в глине, и пообещала, что мне это дорого обойдется. Спустя несколько дней Зарифа сделала попытку соблазнить меня рабынями отца. Эти женщины действовали грубо и не пробудили во мне никакой нежности. Одни были напуганы, другие с алчностью ждали подарков. Я отверг их, еще больше замкнувшись в себе. Зарифа посчитала это странностью и, разглядев во мне возможную жертву стареющих извращенцев, принялась оберегать меня своими неуклюжими способами, которые еще больше ранили меня как уже созревшего мужчину. Когда я встретил Мийю, мне было девятнадцать и все эти переживания остались позади. Я все же не могу понять, чем именно она меня приворожила.

От пронизательной Зарифы ничего нельзя было утаить. Как-то ранним утром она увидела меня счастливым, но пребывающим в отчаянии. Я не находил места и, представляя перед собой бескровное лицо Мийи, бродил из комнаты в комнату и мерил шагами огромные, построенные один за другим в разное время залы нашего дома. В его стенах мне становилось тесно, будто я носил в себе что-то тяжелое и очень ценное, но от легкости бытия мог воспарить. Накануне ночью, убедившись, что отец лег, я пробрался в восточную часть нашего владения, чтобы насладиться чудесной игрой Сувейда. Каждый раз я спрашивал его: «Где же, Сувейд, ты раздобыл такой дивный инструмент?» Он смеялся в ответ: «Там же, откуда дети берутся, уважаемый. Бог послал!» Ви-

димом, эта же высшая сила направила на меня свет, который рассеивал мрак вокруг. Нежный, но глубоко ранящий луч, называемый любовью. Его посылает Всевышний! Я вышел во двор прогуляться вдоль рядов лимонных деревьев и манго. Среди них рос один-единственный розовый куст. Мне захотелось запеть ту же мелодию, что исполнял вчера Сувейд, но я не смог взять правильные ноты и остановился, чтобы вдохнуть ароматы роз и лимона. Вдруг мне почудился запах базилика, сорвав который поплатилась жизнью моя мать... Полюбила бы она Мийю? Или воскликнула бы, вторя отцу: «А я думала, это будет Холя!» – «Нет, отец, – ответил я. – Холя – младшая сестра. Мийя – старшая». Он с недовольством переспросил: «Старшая?! Эта смуглая, худосочная?! Ты Холю видел? У тебя глаза где были? Ты вообще в красоте что-то понимаешь? Да и потом, она же старше тебя. Помню, как отец ее Аззан приводил ее к нам в праздник, а мать твою тебя еще под сердцем носила». «На год и восемь месяцев всего лишь, отец», – просипел я. Он замахнулся на меня тростью. Значит, она не была забыта в доме Аззана. Спустя несколько дней я написал ему письмо, которое после упоминания имен Аллаха начиналось со слов «Моему господину и дорогому родителю, щедрейшему и достойнейшему» и заканчивалось подписью: «Твой слуга и сын, надеющийся на твою милость, Абдулла». Что за строки были между, я уже не припомню. Мне помогала составлять письмо тетушка. Нет сомнений, что и Зарифа сыграла свою роль, поведав отцу о

моей ничем не оправданной, по ее разумению, стеснительности, которая у нее вызвала подозрения. Отец позвал меня и объявил, что посватает за меня Мийю, выплатит за нее калым в размере двух тысяч риалов и пристроит к дому новый зал с восточной стороны, к которому будут примыкать две комнаты и ванная. Это будет наше с молодой женой жилище.

На заре того дня я ступал босым по плитке во дворе, не зная еще, что большую часть его застроят и на этом месте обустроят мое семейное гнездо. Я прошел между деревьев и свернул в узкий проход, ведущий в западную часть двора, которая была засыпана песком вместо камня и поэтому казалась меньше восточной. Во всем аль-Авафи не было другого такого дома с двумя дворами, поэтому соседи называли его «Большой дом». Большой дом, в котором жили только мы с отцом. Изредка нас навещала его сестра. Одни из многочисленных покоев занимали Зарифа с Сангяром и Хабибом, пока последний не сбежал. А в отдельно стоящих постройках ютились Сувейд, его брат Заатар, Зейд, который впоследствии утонул в сошедшем с гор грязевом потоке, его жена Масуда и дочка Шанна, Хафиза с матерью Саадой и тремя девочками, которых она родила неизвестно от кого. Все они принадлежали отцу по праву наследования. Дом наш никогда не пустовал. Здесь всегда было полно людей, приехавших из разных мест целыми семьями. Поэтому привычной картиной для меня были огромные бурлящие котлы и дрова, сваленные в кучу у входа в кухонный домик с восточ-

ной стороны. В небольшой кухне внутри дома Зарифа и Хафиза готовили нечасто. На пирах, проходивших у нас, столько гостей надо было накормить, что такое количество посуды там просто не помещалось. В западном же дворе раздвигались и подвешивались туши животных, забитых Сувейдом и Заатаром. Их готовили тут же на открытом огне. Зарифа всегда говорила, что мясо, прожаренное в пламени, не идет ни в какое сравнение с мясом, снятым с газовой плиты... Да, в то утро меня переполняли чувства, и я испытывал такую легкость, что не находил ничего неприглядного даже в засохших остатках пищи, налипших на стены кухонного домика. Все мне казалось прекрасным: песок, немытая посуда, треск выпекавшихся лепешек. Я вошел в домик, он был без дверей, потому что так легче было носить туда-сюда широкие противни, и застал Зарифу, рассеянную на двух банках из-под молока «Нидо». Она нависла над раскаленной переносной плиткой, на которой тесто моментально превращалось в хрустящий хлеб, и только успевала ловким движением снимать с нее лепешки. Не поднимая головы, она проговорила: «Доброго утра, сынок, Абдулла!.. Я смотрю, ты совсем взрослый стал». Зарифе все известно! Я оцепенел. Неужели она заметила имя Мийи на стволе дерева или заглядывала в мои тетради? Но она же неграмотная! Как она узнала? «Сынок, недаром говорят, от солнца рукой не закроешься!» – рассмеялась она.

Я женился, твоя фальшивая улыбка вызывает у меня лишь

жалость. Слышишь, стюардесса-краса в безупречном костюме? Мне противны улыбки напоказ так же, как смех. Мийя не улыбалась. Даже в день нашей свадьбы.

Материнство

Только ближе к утру малышка перестала ныть, и Мийя прилегла на кровать, уткнувшись головой в стену. Яркого-синий насыщенный цвет краски был настолько неприятен для глаз, что она зажмурилась и тут же вспомнила родильное отделение больницы «ас-Саада», соль с оливковым маслом, которой смазали пупок новорожденной, жену дяди Абдуллы из Вади Удей, бесконечную вереницу женщин, приходивших с поздравлениями с раннего утра до позднего вечера, свежий куриный бульон, брызги слюны изо рта Зарифы, дующей в лицо ребенка и бормочущей молитву, ее большой серебряный перстень, кипенно-белые пеленки, красный язычок девочки, ее острые ноготки, которые до поры до времени не разрешалось состригать, чтобы она не стала воровкой... Мийя открыла глаза и посмотрела на дочку. Такое щуплое тельце и такой пронзительный голос! Она провела ладонью по черному пушку на ее голове и удивилась: «Неужели это и есть материнство?» Асмаа каждый день ее спрашивала: «Ну как тебе роль матери? Что ощущаешь? Ничего важнее в жизни быть не может!» Мийя молчала. Она не чувствовала ничего, кроме утомления, ломоты в пояснице, боли в животе и настоящего желания принять ванну. Голова чесалась так, что терпеть было невозможно. Мать позволила ей отойти в ванную ненадолго, однако запретила мочить волосы, так как

в холод легко было подхватить простуду, которая может оказаться смертельной опасностью для роженицы. И Асмаа еще задает вопросы о радостях материнства и восхищается, какие груднички миленькие! Это период без сна, период борьбы с новорожденным ради того, чтобы он же не умер с голоду, это прострелы в спине от долгого сидения. Мийя ничего не отвечала, пропуская болтовню сестры мимо ушей. Она считала, что молчание – самое великое, что способен содеять человек. Когда молчишь, лучше слышишь собеседника, а если он надоест, мысленно прислушивайся к самому себе. Она сжимала губы, чтобы перестать мучиться. Порой ей нечего было заявить, порой она ясно сознавала, что не хочет рассказывать о том, что у нее на уме. Жена муэдзина одобряла ее неразговорчивость: «Кротость твоя зачтется в Судный день». Когда же дочка подрастет и родятся Салем и Мухаммед, она обнаружит у себя иную склонность – ко сну. Она будет пребывать в забвении часами, ведь только в этом состоянии ее ничто не будет тревожить. Сон станет для нее еще большим чудом и даром, чем молчание, в нем она даже не слышит говорящих. Все молчат вместе с ней. Ее даже сновидения не посещали. По ту сторону яви обязанности снимались с ее плеч. Задремав, она переставала что-либо чувствовать и избавлялась от навязчивости реального мира: от однообразных жестов Мухаммеда, предсмертных криков и победоносных воплей из коробки телевизора, белой накидки Лондон, которой та скрывала свою устрашающую худо-

бу, барабанящие по грязной посуде капли воды из крана на кухне, взмахи рук служанки-индонезийки, взгляды, которые украдкой бросал на нее шофер в зеркало заднего вида, бесконечные шушуканья Абдуллы с Лондон, его перебранки с Салемом. Во сне она проваливалась в пропасть сладостного небытия, манящего ее в никуда. Самым прекрасным для нее было то, что в этом состоянии она не видела снов. Ни кошмаров, ни теней, ни голосов, ничего. Ничему не надо было противостоять в этом блаженном беспомыслии. Ее единственное прибежище, ее райский сад. Ее единственное оружие против нарастающего беспокойства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.